

Знаменитая цитра

Помощник Сяо Чжо на мгновение застыл, очарованный этим сиянием. Лишь когда лавочник толкнул его локтем в бок, он вскрикнул:

— Ах!

И тут же, смутившись, набросился на гостя:

— Чего ты лыбишься, как дурак? Веди себя прилично! Сам же знаешь, твоё искусство сокрытия облика пугает людей!

Вэй Пин невинно развёл руками:

— Это потому, что я ещё не достиг в нём совершенства. Стоит мне потерять контроль над дыханием, как и облик меняется.

С этими словами он снова превратился в невзрачного, потрёпанного бродягу. Любой, пройдя мимо, не удостоил бы его и вторым взглядом. Словно той ослепительной улыбки никогда и не было.

— Я пойду, не буду вас больше пугать!

— Оставь меч, — рукав лавочника преградил ему путь. — Я должен показать его старому хозяину.

— Сломанный меч за десять духовных камней, что в нём такого? — хмыкнул Вэй Пин. Видя, что лавочник не уступает, он вдруг подпрыгнул и, как стрела, выпущенная из лука, метнулся к выходу.

Движение было настолько внезапным, что в воздухе остался лишь его смеющийся голос:

— Тот старик говорил, что сделает меня будущим младшим хозяином, забыли? Младший хозяин всего лишь покупает меч, не будьте такими мелочными!

Сяо Чжо, услышав это, недоверчиво выпучил глаза. Он и не подозревал, что человек может быть настолько наглым.

Но как бы Вэй Пин ни метался по лавке, беззвучно прыгая по балкам и столам, за секунду

сменяя десятки техник лёгкого тела, перед ним неизменно возникал рукав лавочника.

— Хозяин также говорил, — холодно усмехнулся тот, и от него повеяло мощью Золотого ядра, — что ты станешь младшим хозяином, только если согласишься изучать его искусство каллиграфии. Пока ты не учишься, ты — никто!

Они были заперты в маленьком ломбарде, и, опасаясь привлечь внимание, оба сдерживали свою силу.

Вэй Пин, наконец, был вынужден приземлиться.

— Последователи Шу Шэна — настоящие тираны! — выругался он. — Навязываете сделки, так ещё и учеников силой заставляете?!

— Ах ты, наглец!

Сяо Чжо уже закатал рукава, но Вэй Пин тут же схватился за сердце и запричитал:

— Не тронь меня, у меня сердце слабое, умру — гроб с тебя!

Именно в этот момент из подвала донёлся мучительный стон, словно в подтверждение его слов.

Все трое замерли. Лавочник бросился вниз по лестнице.

— У Чжэн-лао и правда прихватило сердце! — в отчаянии пробормотал Сяо Чжо. — Это всё тот парень его довёл!

С тех пор как Сун Цяньцзи переступил порог ломбарда, эта ночь превратилась в сущий кошмар.

— Как Чжэн-лао? — спросил Вэй Пин.

— Ничего, — вытирая пот, ответил лавочник. — Съел успокаивающую пилюлю, я помог ему разогнать духовную энергию, сейчас медитирует.

— Это всё тот парень виноват! — сердито сказал Сяо Чжо.

— Да что случилось-то? — Вэй Пина окончательно разобрало любопытство. Он жалел, что не пришёл чуть раньше и не застал того мастера талисманов.

— Чжэн-лао уставился на этот талисман, — лавочник с досадой хлопнул по столу талисманом вскармливания ци, — и чем дольше смотрел, тем более совершенным он ему казался. Каждый штрих идеален. А потом вспомнил, как тот парень сказал, что умеет «всего лишь немного», разозлился, решил, что полжизни потратил зря и сам ничего не умеет, вот и впал в ступор. Этот талисман я заберу, нельзя ему его больше показывать.

Вэй Пин, сосредоточенно глядя на талисман, вдруг удивлённо произнёс:

— А здесь поверх одних иероглифов написаны другие!

— Это не иероглифы! — возразил Сяо Чжо.

Талисман вскармливания ци был самым простым, и существовало множество способов его начертания, приводящих к одному и тому же результату. У каждого мастера была своя манера, и следы на бумаге тоже были разными.

— Нет, это не просто талисман, это ещё и загадка, — серьёзно сказал Вэй Пин. — Тот, кто его написал, определённо хотел что-то этим сказать.

— Что сказать? — нахмурился лавочник, снова вспомнив невозмутимое лицо юноши.

— Если я разгадаю, отдашь мне этот сломанный меч? — спросил Вэй Пин.

Лавочник подумал и согласился:

— Хорошо, попробуй.

Вэй Пин перевернул лист бумаги и взял у лавочника кисть и бумагу для записей.

— Смотрите в перевёрнутом виде, каждую черту в обратном порядке. Разделите штрихи, не накладывая их друг на друга...

Через мгновение Вэй Пин отложил кисть:

— Ну, теперь видите?

Лавочник с серьёзным видом взял лист. На нём были выведены два больших иероглифа — «Жулик».

Вэй Пин расхохотался, да так, что чуть не свалился со стула:

— Поняли? Вы наткнулись на мастера. Он не талисман хотел написать, он просто хотел вас обругать. Вы что, цену задрали?

Лицо лавочника то краснело, то бледнело:

— Мы — торговцы! Что плохого в том, чтобы немного заработать!

— Теперь я понимаю, почему хозяин хочет взять в ученики такого бездельника, как ты, — вдруг сказал Сяо Чжо.

Проницательность, интуиция, духовное чутьё, выходящие за рамки обычного.

— Не льсти мне, денег всё равно не дам! — Вэй Пин схватил старый меч, рассмеялся и выскочил за дверь, растворившись в ночной тьме.

В ломбарде надолго воцарилась тишина.

— В нашу молодость, — вздохнул лавочник, — любой, кто хотел чего-то добиться, говорил: «Великий муж, рождённый в этом мире, должен носить трёхфутовый меч и совершать бессмертные подвиги». А что теперь с гениями? Сколько тех, кто гремит на весь мир, на самом деле — просто самозванцы?

— Вэй Пин — ненормальный, а тот, кто покупал цитру, — хитрый и скрытный, оба мне не нравятся, — сказал Сяо Чжо.

— Не нравится, а толку? — покачал головой лавочник. — Иди, отнеси этот «талисман-ругательство» хозяину. У него срок подходит, а преемника всё нет. Мы не можем нарушать правило трёх «не», так что пусть хозяин решает сам.

Ждать — дело скучное.

Ждать кого-то вдвоём посреди ночи, когда и поговорить не о чем, — ещё мучительнее, чем в одиночестве.

Хэ Цинцин замёрзла, проголодалась, устала. Сегодня её унизили, потом она долго плакала — силы были на исходе. Сознание помутилось, и она, забыв, где находится и кто сидит рядом, начала клониться в сторону.

Она склонилась к Чэнь Хунчжу.

Та инстинктивно дёрнулась, но, взглянув на слишком худенькую фигурку Хэ Цинцин, не сдвинулась с места, позволив её голове опереться на своё плечо.

— Я тоже устала, — пробормотала она и придвинулась чуть ближе.

Когда Сун Цяньцзи вернулся, он издалека увидел у ворот своего двора уже не один, а два силуэта.

Две девушки прижались друг к другу.

В лунном свете они были похожи на два цветка лотоса — красный и белый.

Страсть и нежность, картина была прекрасна, но у Сун Цяньцзи от неё разболелась голова.

Одна могла своим плачем засушить бальзамин, а вдвоём они, чего доброго, и бамбуковую изгородь повалят.

Чэнь Хунчжу не спала, лишь прикрыла глаза, чтобы отдохнуть. Услышав шаги, она тут же выпрямилась. От её движения проснулась и Хэ Цинцин.

Осознав, что спала на плече у старшей госпожи школы Хуавэй, она в ужасе вскочила:

— Простите. Я была неосторожна.

Юноша, окутанный лунным светом, подошёл ближе.

— Старший брат Сун! — радостно воскликнула Хэ Цинцин, но тут же, сообразив, что это неуместно, тихо добавила: — Даос Сун, вы вернулись.

Чэнь Хунчжу, не глядя на неё, уставилась на Сун Цяньцзи:

— Где ты был?

Сун Цяньцзи указал на красного бумажного журавлика у себя на груди:

— Ты ведь и так знаешь.

Хэ Цинцин, слыша их непринуждённый разговор, почувствовала странную смесь зависти и горечи.

— Я слышала, ты ушёл с мечом, — спросила Чэнь Хунчжу. — Где твой меч?

— Заложил, — равнодушно ответил Сун Цяньцзи.

— Заложил?! — подскочила Чэнь Хунчжу.

Сун Цяньцзи не обратил на неё внимания. Он хотел поскорее со всем этим покончить.

Он снял со спины футляр с цитрой и протянул Хэ Цинцин:

— Бери.

Футляр открылся, и наружу хлынул бирюзовый свет.

Корпус цитры был тонким и изящным, словно весенняя река, а семь струн — как рябь на её поверхности.

Весенняя вода, зеленее неба. Даже яркая луна померкла на её фоне.

— Это... «Сцена зелёной ряби»? — невольно выдохнула Чэнь Хунчжу.

Сун Цяньцзи, по правде говоря, не обратил внимания ни на название, ни на особенности цитры. Он просто взвесил её в руках, и она оказалась самой лёгкой. Вот и выбрал.

— Ты, мечник, заложил свой единственный меч, чтобы купить ей «Сцену зелёной ряби»?

Чэнь Хунчжу прикусила нижнюю губу и, указывая то на цитру, то на него, воскликнула:

— Ты... ты с ума сошёл!

Хэ Цинцин была поражена ещё больше. Она была в ужасе.

Она смотрела на Сун Цяньцзи, не смея принять дар.

«Сцена зелёной ряби», конечно, была самой лёгкой. Согласно обычаям знатных семей континента Тяньси, это была первая цитра, которую дарили маленькой дочери. Она была не дешёвой. Девочка, появляясь с такой цитрой на прогулках с подругами, давала понять, что она из состоятельной семьи, где её очень любят и балуют. Обижать такую девочку было нельзя.

<http://bllate.org/book/16982/1586046>